

ним явление новое и в своей новизне неясное, не исчерпывающее своих возможностей, «как помещики исчерпались в Плюшкине, а чиновники — в прокуроре»¹¹. И писатель создал новое слово для определения своего героя — «приобретатель».

Подобно испанскому пикаро, в течение своей жизни Чичиков сменит множество занятий: он будет и канцелярским писцом, и столоначальником, и таможенным чиновником, и частным поверенным, наконец, он совсем войдет в роль «херсонского помещика». Однако ни одно из этих занятий не исчерпывает сущности приобретателя.

В первой главе своей книги Гоголь представляет его читателю человеком, с чином не слишком большим и не слишком малым... не красавцем, но и не дурной наружности ... ни слишком толстым, ни слишком тонким, нельзя сказать, чтоб старым, однако ж и не так, чтоб слишком молодым (Г., VI, 7). А. Белый, обративший внимание на эту неопределенность облика гоголевского героя, связывает ее с фиктивностью его личности: «Явление Чичикова в первой главе, — пишет он, — эпиталама безличию; это есть явление круглого общего места... у него нет признаков»¹². Исследователь чрезвычайно подробно иллюстрирует свою мысль интересными наблюдениями и остроумными замечаниями о различных ипостасях приобретателя и о стилях его поведения. Но это связано не с безличностью, а, наоборот, с многоликостью главного персонажа «Мертвых душ». М. Храпченко верно отмечает, что «образ Чичикова строится на раскрытии «многосторонности», чрезвычайной эластичности героя, на показе его приспособляемости к самым разным жизненным обстоятельствам»¹³. Эта приспособляемость обнаруживается не только в легкости, с которой гоголевский герой меняет место жительства, привычки и род занятий, но и в истинном артистизме, с каким он имитирует свою принадлежность к любой среде. «О чем бы разговор ни был, он всегда умел поддержать его: шла ли речь о лошадином заводе, он говорил и о лошадином заводе... трактовали ли касательно следствия... он показал, что ему небезызвестны и судейские проделки... и в биллиардной игре не давал он промаха... и о добродетели надсмотрщиках и чиновниках — и о них судил так, как будто бы сам был и чиновником и надсмотрщиком» (Г., VI, 17—18).

Поэтому неудивительно, что в конце I тома «Мертвых душ» опеломленные неожиданным разоблачением своего недавнего кумира губернские чиновники будут тщетно ломать себе голову над тем, кто же на самом деле скрывался под благообразным обликом мнимого «миллионщика»: брачный аферист, фальшивомонетчик, или сам Наполеон, бежавший с острова Святой Елены? Несмотря на очевидную анекдотичность, в этих предположениях есть рациональное зерно: Чичиков мог бы стать кем угодно, если бы это только сулило ему выгоду.

Поставленный условиями своего происхождения и воспитания «по ту сторону добра и зла», гоголевский приобретатель, как и герой плутовского романа, в достижении жизненных благ не останавливается ни перед чем: ни перед брачной аферой, ни перед казнокрадством, ни перед подлогом и лжесвидетельством. Даже смерть людей Чичиков использует для округления капитала: «А теперь же время удобное; недавно была эпидемия, народу вымерло, слава богу, не мало» (Г., VI, 240), — рассуждает он, готовя очередную аферу, которая станет сюжетным центром и даст заглавие гоголевской книге.

Тернистая дорога жизни, по которой движется Чичиков, с бесконечными перипетиями взлетов и падений служит суровым испытанием твердости его характера. После первой крупной неудачи, связанной с отстранением от должности, «решился он сызнова начать карьеру, вновь воору-

¹¹ *Машинский С. И.* Указ. соч., с. 320.

¹² *Белый А.* Мастерство Гоголя. М.— Л., ГИХЛ, 1934, с. 81.

¹³ *Храпченко М. Б.* Творчество Гоголя. М., «Советский писатель», 1959, с. 383.